

750
235366

Министерство образования Республики Беларусь
Мозырский государственный педагогический институт
имени Н.К.Крупской

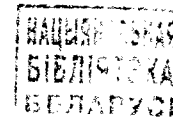
**ТЕКСТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Материалы Международной научной конференции
11 – 12 апреля 2001 г.,
г. Мозырь

В двух частях

Часть 1

Мозырь 2001

УДК 801.73 (07) (082)
ББК 80-9
Т 30

Редакционная коллегия: О.И.Ревуцкий (отв. ред.), П.Е.Ахраменко,
Л.Н.Боженко, С.Б.Кураш, А.А.Иванова,
Т.Н.Липская, А.Г.Мухин, В.С.Сидорен,
Т.И.Татарина, В.В.Тозик, В.Ф.Русецкий

Рецензенты:

А.А.Гируцкий, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории языка Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка;

Ф.М.Литвинко, доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Мозырского государственного педагогического института
имени Н.К.Крупской

Текст в лингвистической теории и в методике преподавания
Т 30 филологических дисциплин: Материалы Международной научной
конференции, 11 – 12 апреля 2001 г., Мозырь: В 2 ч. Ч. 1. / Отв. ред.
О.И.Ревуцкий. – Мозырь: МозГПИ им. Н.К.Крупской, 2001. – 228 с.

Сборник содержит материалы по актуальным проблемам теории текста и
методики его изучения в вузе, общеобразовательной школе и средних специальных
учебных заведениях.

В первую часть включены доклады по результатам исследования текстов в
коммуникативном, когнитивном, прагматическом аспектах и по проблемам лингвистики
текстовых жанров.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам студентам
филологических специальностей.

УДК 801.73 (07) (082)
ББК 80-9

© МозГПИ им. Н.К.Крупской, 2001

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА КАК ПРЕДМЕТА ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

У.В.Анічэнка (Гомель)

ПОЛАЦКІЯ ГРАМАТЫ – ВАЖНАЯ КРЫНІЦА ДЛЯ БЕЛАРУСКОЙ МОВЫ І ЯЕ ГІСТОРЫІ

Полацк (летапісны *Полотеск, Полотъск, Полтеск*) у “Аповесці мінулых гадоў” упамінаецца пад 862 г. як адзін з цэнтраў старажытнарускай дзяржавы з ажыўленымі эканамічнымі сувязямі з іншымі тэрытарыяльнымі аб’яднаннямі.

Полацкая зямля ў далёкія ад нас часы прызнавалася “беларускай дзяржавай”, якая мела княжацкую ўладу, веча, адміністрацыю, вайсковую абарону. Яна займала адно з вядучых месц у старажытнарускай і старабеларускай дзяржаве. Да ягнула высокага развіцця не толькі як сухапутнае, але і морскае тэрытарыяльнае аб’яднанне, пад кантролем якога былі Дзвінскія землі да Балтыйскага мора.

Невыпадкава ў 1509 г. у Кракаве пацвярдзальнай граматай Вялікага Княства Літоўскага і караля Польскага Жыгімонта I мяшчане Полацка былі ўдасцелены магдэбургскага права, а ў 1511 г. у Брэсце полацкая зямля заслужыла пацвярдзальную грамату названых тытулаваных асоб з захаваннем прывілеяў баярам і мяшчанам хрысціянскіх правоў і вольнасцей на вечныя часы.

З XIII ст. Полацк славіўся высокім дасягненнем пісьменнасці не толькі ў межах старажытнарускай дзяржавы, але і ў прыватнасці свайго княства – Вялікай колькасцю тагачасных і пазнейшых грамат, моўная культура якіх не ўступала месца пісьмовым помнікам іншых тэрытарыяльных аб’яднанняў Усходняй Еўропы. Усе яны даюць нам выразнае ўяўленне адносна лінгвістычнай каштоўнасці на розных узроўнях, пачынаючы ад графікі і канчаючы лексікай.

Полацкія граматы змяшчаюць каштоўны матэрыял перш за ўсё для вывучэння лексічнай сістэмы, сярод якой важнае месца займае анамастыка, звязаная з сукупнасцю ўласных імёнаў, носьбіты якіх сваёй нястомнай працай і кіраваннем на розных узроўнях унеслі значны ўклад у праслаўленне роднай зямлі. Кожная асоба мела ўласную назву, а значная іх колькасць – біяграфічныя звесткі з займаемымі пасадамі, родам заняткаў і інш.

Для канкрэтызацыі разнастайных звестак пра асабовыя імёны старажытнага Полацка і яго ваколіц мы звярнулі ўвагу на Полацкія граматы пачатку XVI ст. (1506 – 1513 гг.), апублікаваныя ў кнізе “Полоцкие грамоты XIII – начала XVI стст.” М., 1980. Ч.ІІ. Усяго там змешчана 61 грамата – (іх нумарацыя падаецца па гэтым выданню), у тым ліку на старабеларускай

Въ то же лето... Аркадь игумень ... състави собе манастирь; и бысть крестияномъ прибежище, ангеломъ радость, а дьяволу пагуба [2, 39]; Си же благочытивыи князи рязаньстии ... приша вьняа от господоа бога ..., аки агньци непорочни предаша душа своя богови [2, 58]. В результате в летописи отражается взаимодействие двух языковых стихий, свойственных древнерусскому языку в целом

Как видим, летописный текст, его смысл и вербальная сторона во многом опосредованы социальным опытом адресанта и социальностью языка в целом. Однако, как заметил в своё время В. фон Гумбольдт, каждый индивид употребляет язык для выражения именно своей неповторимой самобытности. "Смысл порождаемого текста существует для отправителя как его субъективное переживание" [4, 117]. Автор постоянно обнаруживает в языке текста личные симпатии, антипатии и другие эмоциональные реакции на изображаемое. Он использует оценочную лексику для характеристики ситуации или события, напр.: *А Новгородъ зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по 10 гривень, а овса по 3 гривьнъ, а рънъ возъ по 2 гривьне...* [2, 54]; *На то же осень зъ ло страшно бысть: громъ и мълния, градъ же яко яблъковъ боле...* [2, 30]; *Въ се же лето люте бяше: осминька ръжи по гривне бяше, и ядяху люди листь липовъ, кору березову...* [2, 22], *сташа денье зли, бысть пожаръ люте* и т.п. Кроме этого эмоционально-оценочные смыслы репрезентируются в виде метафорических выражений: *Гнзвъ божий бысть: придоша Половци и побздиша Русьскую землю* [2, 17]; *Мстиславъ ... привеле полонь въ Руську землю толь сильно, яко и числа не бяше* [2, 33] и др. Наконец, особое место занимают экспрессивные контексты со значением эмоционально-модусной квалификации, в которых наряду с фактуальной информацией выступает оценка ситуации: *Въ лето 6574 (1066). Приде Всзславъ и възя Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда въ час тыи; и понекадила съима* [2, 17]; сравн. также: *О, велика скръбь бяше в людехъ и нужда* (по поводу дороговизны); *О, горе тъгда, братье, бяше* (о массовом вымирании горожан от голода); *О, велик страхъ* (по поводу затмения солнца). К языковым средствам выражения интенциональных эмотивных смыслов принадлежат также эмоциональные частицы, деминутивы, сравнения, эпитеты, перифразы и т.п. Характерно, что, как правило, адресант оценивает только негативные явления.

Эмоциональные реакции летописца не носят, однако, индивидуального характера, они типичны и для его соотечественников. В летописном тексте социальная сущность адресанта превалирует над субъективной. Это закономерно не только для самих древних текстов, но и для культурно-исторических моделей оценок эпохи в целом.

Литература

1. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.-Л., 1947.

2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л., 1950.
3. Ревуцкий О.И. Лингвистическое учение о тексте и перспективы его применения в практике литературного анализа // Русский язык и литература. – 2000. – № 6.
4. Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и её единицы // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6.

И.П.Кудреватых (Минск)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ БЛОКОВ ИНФОРМАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И.КУПРИНА

Семантико-стилистическая система прозы А.Куприна складывается как способ художественного отражения в составе конкретного текста тех ассоциаций, которые составляют основ миропонимания писателя, а следовательно, его идиолект. Стилистическая позиция блоков информации (БИ) в их дистантном ряду наиболее четко прослеживает ту возможную у каждого блока культурно-историческую парадигму индивидуального и, прежде всего, системного литературно-художественного преобразования, которая и позволяет установить идиолект писателя.

Структура образов Куприна, поданная в грамматически прошедшем времени охватывающем все разновидности действия, отражает специфику взаимодействия формы и содержания языковых явлений, которые формируются в БИ определенными категориальными связями. Основная из них – связь членов предикативных единиц как отражение экспрессивных возможностей БИ. Кроме того, основная семантико-грамматическая категория, лежащая в основе формирования предикативного ядра в БИ у Куприна, аспектуальность, то есть «характер протекания и распределения действия во времени» [1, 40], которая проявляется в значениях длительности, постоянности, повторяемости действия, нелокализованного во времени, осложненного семантикой оценочности. То есть предикативные ядра имеют дополнительный оттенок модальности, который вытекает из функционального содержания категории аспектуальности. Например, характеристика главного героя в повести «Молох»: *Он сравнивал себя с человеком, с которого заживо содрали кожу – Ему становилось стыдно... за свой выхолонный вид – Я считаю себя честным человеком – мне горько то, что я служу на заводе и получаю за это большие деньги – ему... стало стыдно жгучим, удручающим стыдом – с каждым днем в нем все больше и больше нарастало отвращение: Его нежная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности и т. д.* В результате оценочность предикативных ядер, осложненная модальными оттенками осуждения, неодобрения, становится одним из грамматических средств связи БИ на уровне парадигматических отношений. Кроме того, оппозиция актив/пассив субъекта (категориальная ситуация залоговости) как

выражение состояния героя также является доминирующим признаком дистантных отношений БИ.

Данная оппозиция превалирует в блоках, связанных с характеристикой состояния, в остальных случаях грамматически активными являются действительные конструкции. Так, блок информации, структурно связанный с образом завода как олицетворением Молоха, поданный только в активе, рождает четкие ассоциации, находящие контекстное подтверждение. Его системно-структурная организация характеризуется стилистической маркированностью, что создает эмоционально и содержательно емкий художественный образ завода – жестокого и кровожадного чудовища: *на кровавом фоне четко и стройно рисовались темные верхушки высоких труб; Разверстые пасти этих великанов безостановочно изрыгали густые клубы дыма; Над тонкими... дымоотводами, придавая им вид исполинского факела, трепетали и металась яркие снопы горящего газа; Они [кочегары] под страхом ужасной смерти должны были без устали кормить и кормить ненасытное; прожорливое чудовище* и т. д. И как результат ассоциаций звучит эмоционально-оценочное *Вот так преисподняя!* Семантика существительного *преисподняя* становится стилистическим средством художественного сравнения, лежащего в основе содержательной структуры всего БИ. В результате возникает тот ассоциативный потенциал перифраз, который и создает яркий, экспрессивно насыщенный словообраз завода-Молоха: *дьявольская колесница, железная машина* (прогресс); *ненасытное, прожорливое чудовище* (кочегарка). Эти синтагмы становятся экспрессивным ядром, устанавливающим каузальные интегративно-парадигматические отношения между БИ на уровне целого текста, то есть на уровне системы, и создают, с одной стороны, композиционный стержень, денотатный уровень семантики текста, а с другой – подготавливают троп: прогресс – это Молох, требующий *теплой человеческой крови*.

Троп, и в частности развернутая метафора, является одним из основных структурно и стилиеобразующих факторов в произведениях Куприна. Заданный в названии произведения, троп приобретает конкретный смысл в результате столкновения содержаний блоков. Например, название «Дозначие» имеет только функционально-стилистическую окраску, но в процессе интерпретации содержания рассказа складывается определенный смысл; или название «Молох» (Бог меди), приобретающее в повести иную характеристику; или «Колесо времени», сигнификат которого связан в перифразе «судьба человека», также получает приращение смысла в результате интерпретации семантико-грамматических отношений БИ.

По форме изложения роман «Колесо времени» представляет собой дневник, и потому рассказ ведется от 1-го лица. Синтаксическое значение ядерных структур БИ рассказчика и героини подано в позиции актива, что связано с проявлением воли героев, решительности, уверенности. Вариации временных форм в блоках различны. В характеристике Марии преобладают

настоящее и будущее время как показатель ее мечтательной натуры, в характеристике рассказчика – настоящее повествовательное, которое определяет данный образ как человека искушенного, трезво оценивающего жизненные ситуации. Например, сравним его рассуждения о любви: *Случаи самой высокой, самой чистой, самой преданной любви выдуманы талантливыми поэтами; В каждом большом счастье есть тот неуловимый момент, когда оно достигает зенита. За ним следует нисхождение* и т. д.

Настоящее повествовательное, или настоящее рассказа, придает блокам большую изобразительность, но, контрастируя с временным планом образа Марии, меняет свою актуализацию, внося признаки отрицательного импликационала [2]. Более того, сопоставляя аспектуальные значения предикативных рядов данных БИ, четко определяется их функциональное содержание: длительность, непрерывность действия с качественной оценочностью, осложненной модальными оттенками потенциальности. Например, в БИ Марии: *будешь моей радостью; она была в любви радостна; я нашла вечную любовь; она... неутомима в своей щедрости; благодарю тебя за счастье*; и в БИ рассказчика: *терять счастье, каяться; потерять прелесть и оригинальность; покушение на мою свободу; тоска; веления судьбы* и др. Две эмоциональные группы в синтаксеме различаются тональностью: в первой – экспрессия счастья, во второй – эгоизма, покорности судьбе.

Таким образом, на первый взгляд, название у Куприна, устанавливая отношения включения с ядрами БИ рассказчика, совмещает в себе сигнификативный и денотативный аспекты значения, однако в БИ героя есть еще один предикативный ряд, идущий параллельно и по форме напоминающий лирические отступления, которые носят характер обобщения. Поданные в форме настоящего постоянного как результат пропозициональных отношений между параллельными ядрами, эти структуры образуют «поле напряжения», получающее в романе самостоятельную характеристику.

Контрастные отношения, сложившиеся как результат полифонизма, который в целом свойствен всем произведениям А. Куприна, позволяют четко интерпретировать смысловую ткань романа, наполняя название денотативным содержанием. Создается форма экспрессивной метафоричности, где основным средством метафорического сдвига являются имена существительные, точнее дистантная ассоциативная связь именных синтаксем, устанавливаемая между значениями ядерных структур: *Колеса времени не повернешь обратно*, но счастье человека зависит от него самого.

Название у Куприна в большинстве случаев оценочно. Его интегрирующая роль заложена уже в семантике: «Поединок», «Молох», «Колесо времени», «Allez!», «Лесная глушь» и др. Собственно эмоциональная окраска является частью семантической структуры слова или словосочетания, и, следовательно, название формирует первые ассоциации. Поэтому можно с уверенностью сказать, что название у Куприна характеризуется функциональным потенциалом, совмещающая семантическую, синтаксическую и прагма-

тическую функции, способствуя развитию определенных ассоциаций, которые подготавливают развертывание их метафорических связей. Кроме того название у Куприна – оценочное, стилистически маркированное, выстраивающее те ряды ассоциаций, которые через отношения БИ на интегральном уровне рождают определенный смысл. Иначе говоря, это контрапункт, или основа развертывания образного представления. Причем оно только намечает основные пути метафорического преобразования, а смысл произведения, развертывание содержательного аспекта метафоры складывается как результат лексико-грамматического варьирования ядерных структур блоков одной тематической линии (ТЛ) и установления их отношений с блоками других ТЛ. В этом проявляется индивидуально-стилистическое своеобразие словоупотребления, речевых конструкций, своеобразие стиля писателя, на что указывает В. В. Виноградов: «Проблема индивидуального стиля писателя связана с выделением того стилистического ядра, той системы средств выражения, которые неизменно присутствуют в произведениях этого автора» [3, 80].

Многие произведения А.Куприна как бы «освещают изнутри» (Т.Г.Винокур) повествование, то есть передают информацию от 1-го лица, и в то же время ограничивают его: «...речь идет не о первом лице, а о личном небеспристрастном отношении повествующего к изображенному. Любое «я» – автора ли, героев ли – освобождает писателя от необходимости соблюдать условленную и сковывающую его дистанцию между своим взглядом и взглядом действующих в данном произведении лиц» [4, 55].

Таким образом, грамматически доминирующим признаком в БИ А.Куприна является бинарная оппозиция актив/пассив как выражение состояния героя, которая устанавливает между БИ отношения актуального членения с объективным расположением единиц. При характеристике героя оппозиция актив/пассив уступает место только активным синтаксическим конструкциям, что проявляется, прежде всего, в объективном порядке слов.

Основная категориальная ситуация – аспектуальность предикативного ядра со значением длительности, постоянности, многократности протекания действия, нелокализованного во времени, осложненного модальными оттенками с качественной оценкой, которые, с одной стороны, выступают экспрессивным выражением состояния героя и обуславливают семантическую перспективу всех БИ, а с другой стороны, являются текстформирующим средством, устанавливающим категориальные связи БИ на уровне системы.

Литература

1. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987.
2. Никишин М.В. Лексическое значение слова. – М., 1983.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.
4. Винокур Т.Г. Первое лицо в драме и прозе Бундакова // Очерки по стилистике художественной речи. – М., 1979.

С.Б.Кураш (Мозырь)

К ПРОБЛЕМЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА (ДИСКУРСА) КАК ИНФОРМАТИВНОГО ЦЕЛОГО

Текст представляет собой достаточно сложный семиотический объект. Его модель восходит к модели слова, описываемой через «семантический треугольник» (означаемое – знак – смысл), однако, что вполне естественно, представляется более сложной [1, 15 – 16].

Кроме того, для рассмотрения стилистической структуры текста в аспекте его информативности в качестве объекта наблюдения собственно текста будет недостаточно. Информация, как известно, существует постольку, поскольку её нужно передать от одного объекта к другому, кодировать и декодировать, отправить и получить. Следовательно, речь должна пойти о тексте, вписанном в речевое взаимодействие отправителя информации (продуцента) и получателя информации (реципиента), т.е. о дискурсе [см.: 2].

Рассмотрим стилистические функции основных фигурантов информативно-семиотической структуры текста в его дискурсивном понимании (см. схему на с.94).

Целью осуществления дискурса является передача информации от продуцента реципиенту. **Областью кодирования информации** является некоторое **денотативное пространство** (для краткости будем говорить «денотат»). Денотат – это объект, о котором мы получаем информацию из текста. В исследованиях по семантике и семиотике языкового знака известны классификации денотатов, предлагаемые по отношению к словам. Денотаты слов принято делить на два больших класса: 1) объекты внеязыковой действительности – телесные (предметы), феноменальные (свойства, качества), конструкторные (например, леший, русалка и т.п.) и 2) объекты языкового характера (факты языка, отношения в его системе) [см.: 3, 21 – 22]. В целом такую классификацию можно распространить и на тексты, с поправкой лишь на то, что текстами кодируется информация о сложных денотатах (денотативных пространствах) [4, 26]. Правда, представляется целесообразным дополнить приведенную классификацию своеобразным «промежуточным» звеном – интертекстом, что следует из дискурсивного понимания текста: «Между экстралингвистическим и языковым информативными слоями помещается слой, отображающий информацию о прецедентных текстах, т.е. текстах других авторов (или интертексте)... Подобная информация является в целом экстралингвистической, поскольку она не имеет прямого отношения к языковой компетенции, однако она в какой-то мере «лингвистична» поскольку её материальными показателями являются фрагменты прецедентных текстов, т.е. «единицы лингвистики» [2, 71].

I Новгородской летописи старшего извода)	85
Кудреватых И.П. Типологические признаки блоков информации в произведениях А.И. Куприна	89
Кураш С.Б. К проблеме семиотической структуры текста (дискурса) как информативного целого	93
Леонтьева В.В. Повтор лексемы как фактор процесса текстообразования	97
Липская Т.Н. К вопросу о прагматическом компоненте текста	99
Липская Т.Н., Боженко Л.Н. Критический анализ определений понятия <i>текст</i> в учебной литературе	104
Путрова М.Д. Художественный текст как объект коммуникативных действий	107
Серыкаў Р.У. Семантычны дэтэрмінізм у скарынаўскім «Предъсловии въ книгу Иов»	111
Слемнёва И.М. Поэтический текст: роль символа в его семантике	115
Хромова Т.В. О некоторых проблемах теории текста и коммуникативной лингвистики	118
Шпаковский И.И. Особенности взаимодействия вербального и «жестового» в диалогической структуре художественного текста	122

КОГНИТИВНЫЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА. ТЕКСТ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Балуш Т.В. Семантика глагола <i>велеть</i> в русском языке и в дискурсе В.М.Шукшина	126
Вертинская О.М. Семантическое поле эмотивных слов у В.Набокова (на примере романа «Король, дама, валет»)	129
Владыко И.А. Вертикальное поле глагола <i>читать</i> в языке романа «Евгений Онегин»	132
Депутатов В.А. Текстовое воплощение процесса социализации в частнонаучной социологической картине мира (на материале англоязычной научной прозы)	137
Довгель Т.В. Кинемное представление интеллектуально-психологического состояния в нарративе И.А.Бунина: дискурс интерпретатора	140
Жаткин Д.Н. К вопросу о лингвистической природе реминисценции в художественном тексте (на материале языка А.А.Дельвига)	144
Змиевская Е.А. Особенности воплощения авторской сенсорики в художественном тексте (когнитивный аспект)	148
Казанчян Н.П. Диалогический текст как материальное воплощение конфликтного речевого поведения гендерных социальных ролей	151
Козачишина О.Л. Градация идеологем в концептуальной картине мира современной американской женщины-писательницы как языковой личности	154
Любезная О.Н. К проблеме смерти в художественном тексте В.Набокова	158

Машканцева С.В. Концепт <i>русский лес</i> в художественном тексте и в системе ценностей русского человека	160
Мухин А.Г. Лингвистическое экспериментирование как художественный метод А.Платонова	162
Никалаева И.С. Пачуццё ў трох вымярэннях: псіхалінгвістычны аналіз ...	166
Сидоренко В.А. Художественное время как текстообразующая категория (на материале повести Н.В.Гоголя «Невский проспект»)	169
Ситникова М.Г. Прилагательные с этической семантикой в логосфере персонажей повести М.А.Булгакова «Собачье сердце»	171
Страхова Н.И. Языковая личность У.Шекспира в зеркале сонетного дискурса: концептуальные основания	175
Суслова Н.В. Суицидальный текст русской литературы конца XIX – начала XX века: к проблеме моделирования пространства	176
Тозик В.В. Семантическое поле «цвет» в рассказах К.Г.Паустовского	181
Токарев Г.В. Вопросы дискурсивного изучения концепта в лингвокультурологических исследованиях	184
Целихович Т.П. Топос сада в поэме Н.В.Гоголя «Мёртвые души»	185

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТОВЫХ ЖАНРОВ

Анищик И.И. Авангардно-прагматически построенный «римский текст» русской поэзии XIX в. (на материале трагедии А.Н.Майкова «Два мира»)	190
Воробьева О.И. Реклама как текст: прагматический и экспрессивный аспекты	194
Гваздюч Г.А. Чавуковы тэкст як фактар рэалізацыі спецыяльных ведаў	197
Жураўская Л.В. Асаблівасці будовы тэкстаў мініячур Я.Брыля	200
Кузьмич В.В. Литературная пародия как средство лингвоанализа идиостиля	205
Мальцевич Т.В. Композиционно-речевая форма <i>рассуждение</i> в структуре аналитических текстов публицистики	209
Нещерет Е.И. Жанровое своеобразие стихотворений в прозе И.С.Тургенева (лингвистический анализ миниатюры «Когда меня не будет...»)	213
Писарук Г.В. Обучение учащихся диалогу с текстом как приёму осмысления связного высказывания (на примере евангельской притчи о добром самаритянине)	215
Татаринова Т.И., Павлюковец М.И. Особенности языка и стиля «Сказки о царе Салтане» А.С.Пушкина	218
Тараненко Л.И. Алгоритмично-фабульная и этико-эмоциональная обусловленность функционирования просодических средств связности текста басни	222